

20.11.2013, 19:20

ИНТЕРВЬЮ

Денис Лимонов, «Липовый цвет»

Денис Лимонов — белорусский художник-акционист, из-за политического преследования бежавший в Россию. С целью предотвратить казнь обвиняемых во взрыве в минском метро 2011 года взял на себя ответственность за этот теракт. На днях был задержан московской полицией и теперь находится под угрозой депортации в Белоруссию. В интервью Лимонов рассказывает о методах полицейского контроля над деятельностью художника в Белоруссии. Интервью взято в январе 2012 года, до расстрела обвиняемых.

Что ты совершил, что тебе пришлось бежать из Белоруссии?

Я действую в рамках художественного сообщества «Липовый цвет», это могилевская арт-группа. Сначала мы занимались чисто автореферентным творчеством, но обстоятельства сложились так, что с определенного момента мы как-то выразили своими художественными акциями общественное настроение. Первой нашей акцией,

которая имела социально-политическую окраску, была дактилоскопическая акция, в 2010 году.

В Белоруссии есть такая практика, когда поголовно у всего военнообязанного населения на дому снимают отпечатки пальцев. Мы сняли это на видео. Мы не имели право это снимать, ведь дактилоскопия — это «оперативное действие», но мы как-то развели ментов, сняли это и выбросили в YouTube, это разместили потом оппозиционные интернет-ресурсы, в том числе «Хартия-97».

Какая была реакция?

Виртуальная, это все еще не выходило за границы интернета.

А что вывело вас из онлайн в оффлайн?

Это было осенью 2011 года, акция «Кипеш в автобусе». Я общался с пассажирами автобуса, скандировал что-то, призывал задуматься, а мой друг и участник «Липового цвета» Юлий Ильющенко это снимал.

Задуматься о чем?

О том, в какой стране они будут жить завтра. Потому что в Белоруссии сейчас вообще ситуация катастрофическая. Это и политическая летаргия и экономический обвал, просто п-ц.

Этот «п-ц» ощущают только думающие люди, или горожане, обыватели его тоже ощущают?

Горожане ощущают экономические моменты. Был реально период, когда гиперинфляция составляла, что ли, 120%, и предприниматели просто не хотели закупать продукты — деньги обесценивались, полки оказались пустыми. Лукашенко отпустил курс — до этого государство тоталитарно держало курс, фиксировало доллар. Тогда продукты пошли, но они, конечно, подорожали в пять или

шесть раз. Лопнул мыльный пузырь иллюзии стабильности белорусской экономики, и, на самом деле, много пузырей лопнуло. Например, белорусские СМИ постоянно транслируют такую х**ню в массовое сознание: мол, Россия — страна, в которой опасно жить, там теракты, а у нас — спокойно. А потом неожиданно все это спокойствие закончилось.

Что-нибудь вообще понятно про теракты в минском метро? (11 апреля 2011 на станции метро «Октябрьская» произошел взрыв, погибли 15 человек. В марте 2012 года обвиняемые в этом преступлении Дмитрий Коновалов и Владислав Ковалев были расстреляны по приговору Верховного суда.)

Моя субъективная позиция такая: кто именно это сделал, вообще не имеет никакого значения. Это мог сделать кто угодно — были версии, что это сделали спецслужбы, были — что западные спецслужбы, может, это был съехавший сапер или полковник, которого за что-нибудь уволили. Сама детективная фабула поиска, игра в кошки-мышки — она не решает проблемы: власть не работает. Власть представляет собой такой нарыв, волдырь, который воспаляется, болит и в один прекрасный момент исходит такими взрывами, гноем с кровью. Пятигорский говорил, что не надо искать террористов в чертовых горах, нужно искать их в самих себе. Как художник я выступаю с критикой политической системы, а не отдельного проявления этой системы.

Как проявляется твоя критика?

Была еще такая акция «Свидание со смертью», когда наши активисты пришли в следственный изолятор, в котором содержится наша подруга, и сняли кабинки переговоров, куда родители приходят пообщаться со своими детьми. Мы сняли как выглядит эта связь, скрытой камерой, конечно. Очень много людей сидит в тюрьме. Но активный интерес к нам, в частности, к моей персоне — она самой

такой подсвеченной получилась, — начался после «Кипеша в автобусе». Он разошелся большим тиражом в YouTube. Около 15000 просмотров, но для Белоруссии это много, и люди, которые это смотрят, — это самая реагирующая часть общества.

После этого моему другу Юлику начал звонить мент, представился участковым, предложил через Юлика мне попить чай с конфетами, зайти в гости, пообщаться. Кто это был — непонятно. Я, естественно, на эту встречу не пошел, потому что знаю, чем это заканчивается.

А чем заканчивается?

Обычно это такие предсказуемые методы — закрыть рот, посадить, унижить. Соответственно я начал вести себя осторожней, начал шифроваться и спустя какое-то время меня начали активно искать, ездить по тем местам, где я могу появляться, опрашивать родственников, соседей — причем под таким абсурдным предлогом, как проверка моей причастности к исчезновению некой несчастной 14-летней девочки, которая якобы пропала. В этой истории страшно то, что они шьют такую стремную х**ню, а реально, скорее всего, не ищут даже никакую девочку. Это какая-то гоголевщина, «Мертвые души», профанация.

Родственникам показывали фотографию девочки, приходил участковый инспектор по делам несовершеннолетних, что говорит о степени серьезности их подхода — обычно опера могут что-нибудь нереальное просунуть, но тут приходил уже ведомственный инспектор.

А есть хоть какая-то связь между этой историей с пропавшей девочкой и тобой?

Неизвестно. Они разговаривали с моими родственниками, с соседями, с которыми я жил лет пятнадцать, задали вопрос, жил ли я с этой девочкой по этому адресу — хотя

я там уже лет семь не жил. Я решил вообще не говорить с ними на их языке. Попытаться себя оправдать в каком-то фуфле, которое они мне шьют, это не то что не конструктивно, это просто тупо. Вместо того чтобы оправдываться в том, чего я не делал, я решил очернить себя. Я взял на себя ответственность за теракты в рамках акции «Преступление совести». 19 декабря — это символическое число, совершенно случайно совпало, но это дата разгона демонстрации в Минске после выборов Лукашенко в 2010 году — я по почте отправил письмо на имя генерального прокурора Белоруссии Александра Конюка, в котором взял на себя ответственность за свершение серии терактов: двух в Витебске и двух в Минске. Самый страшный теракт — в минском метро, все его знают, а про витебские в России знают меньше. Но по обоим терактам уже нашли «виновных», а потом вдруг нашли новых обвиняемых, потому что произошли новые теракты в Минске.

Ты считаешь, Коновалов и Ковалев не виновны?

У меня нет даже минимального доверия к этой системе отправления правосудия. Поэтому я взял на себя ответственность. Это решение было непростым, потому что раскалывало нашу творческую группу, Ильющенко был против. Я его понимаю, потому что после такого заявления ходить в теплых тапочках уже не получится, это меняет формулу существования. Но я решил, что не воспользоваться такой платформой для высказывания, которая сформировалась и которая важна, нельзя.

Зачем ты это сделал?

Это создание прецедента, и не использовать для него такую платформу, которой стал «Липовый цвет» в Белоруссии, было бы просто роскошью. Просто это письмо юридически является новой информацией по делу Коновалова и Ковалева, и, как мне объяснили белорусские правозащитники, оно является формальным основанием

для проведения прокурорской проверки. А проверка будет завершена только после того, как у меня возьмут показания. И, следовательно, расстрел этих бедолаг будет просто н законным без моего допроса. Естественно, ответная реакция на такое заявление без поддержки медиа была бы нулевой — его просто порвали бы, подтерлись бы им. Общественный резонанс тут играет главную роль. Смертная казнь — это что-то противоестественное для современного общества, поэтому это минское дело — это общее дело, надо бороться, сопротивляться.

Какая была реакция общества и властей на твое заявление?

Белорусские интернет-медиа про это писали довольно активно. Были запросы, которые делали журналисты в генпрокуратуру, но официально комментарии давать там отказались, ссылаясь на отсутствие генпрокурора. На сам приговор Ковалеву и Коновалову есть реакция и в обществе — Светлана Черная объявила сухую голодовку, настаивая на пересмотре этого дела. Белорусские правозащитные организации, с моей точки зрения, прореагировали пока довольно вяло: были выходные, праздники, не было нужных людей, все в салате оливье (интервью взято до расстрела Ковалева и Коновалова — прим. ред.).

Прессинг на тебя усилился?

Все ГБ было на хвосте, ломали электронную почту, Facebook и все другие аккаунты в сети. Такого со мной никогда не происходило раньше. В целом это дело может находиться в такой стадии черновика, в Белоруссии же это все, на самом деле, на конвейере делается. Раньше я вел рассеянный образ жизни, поэтому не очень знаком со всей это практикой. В белорусской оппозиции есть люди, которые просто против — я понял, что быть просто против ничего не значит.

А что с тобой случилось, почему ты так политизировался?

Современное искусство в принципе находится на стыке политической и художественной реальности. Я занимался автореферентным творчеством, но сама модель потребления объектов искусства обветшала, и, само собой, мой вектор, мой художественный поиск привел к более радикальным формам высказывания. Художник просто делает видимым то, что ежедневно происходит со многими людьми, — это еще Тер-Оганьян говорил.

У тебя этот переход произошел когда?

В 2010-м, наверное. Мы тогда сняли трэш-кино «Карусель», отсылающее к радикальным формам мировоззрения, потом была дактилоскопическая акция. Этой осенью в ходе акции «Оргия вандализма» я сжег свой паспорт так называемой «Республики Беларусь», я не считаю себя ее гражданином, потому что не считаю эту форму правления республикой. Кстати, независимо друг от друга мы совершили похожие акции с художником Дмитрием Пименовым — он на Болотной в этом декабре разорвал паспорт. И, наоборот, в 1990-е он взял на себя ответственность за теракт в зале для игровых автоматов — я про это раньше не знал, я с ним не знаком еще.

Почему ты решил уехать в Москву?

Я не хотел оказаться за решеткой. Позиция «сделал акцию — отсиди по-чеснаку» — это не потолок высказывания. Полноценно на**ывать власть — это ускользать из-под надзора. Мой любимый философ Жиль Делез писал, что ускользание революционно, это выход из поля власти. Сейчас я собираюсь просить политического убежища.

Как ты добрался до Москвы без паспорта?

Я доехал до Смоленска автостопом, а там купил билет на автобус и доехал до Москвы.

Почему ты выбрал Москву?

Пересечь границу мне нереально, это единственный путь. У меня нет документов, кроме того, я думаю, что я в активном розыске. Сейчас наших участников — например, Екатерину Самигулину — вызывают в милицию повестками, хотя она к моему заявлению не имеет никакого отношения. Я не знаю, ходила ли она — у меня выключен мобильный, электронной почтой я вообще перестал пользоваться, чтобы не палиться.

Побег художника — это уникальное или типовое явление для Белоруссии?

Вообще выезд художника за рубеж — это типичная для Белоруссии ситуация. Есть такой «Свободный театр», половина которого под колпаком ведет подпольную деятельность в Белоруссии, а вторая половина выехала в Польшу, Англию, Америку. Многие другие художники тоже уехали. Это даже не всегда из-за прямого политического преследования — обычно просто не дают элементарно на бытовом уровне работать, нет никакой возможности для творческой самореализации, все задавлено официальными институциями. Ставят палки в колеса, могут и арестовать. Тот же «Свободный театр» собирается только по «заявкам», заранее проверяя, что за человек собирается прийти, — надо подать заявку через интернет, потом тебя пригласят.